

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(437)(57) «1918/20»

<http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-1-155-165>

«БРАТЬЯ СБИЛИСЬ С ПУТИ»: ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНРИХА СКАЦЕЛЯ

© Г. Скацель

Независимый исследователь, внук подполковника Генриха Скацеля,
ул. Zachova 4, 602 00 Brno (г. Брно), Чешская республика.

Аннотация. В статье анализируется содержание воспоминаний подполковника Генриха Скацеля (1896–1976). Его оценки отражают восприятие событий Гражданской войны в России высшим чехословацким командованием. Изучение этой трактовки позволяет реконструировать настроения и мотивы чехословаков, осветить неизвестные или малоизвестные для жителей России исторические эпизоды. Весьма интересно и отражение в изданиях начального этапа международной полемики вокруг причин и следствий событий.

Будучи личным старшим адъютантом генерала Сыровы, Скацель был глубоко осведомлен о механизме принятия решений, а в работе над мемуарами прочно опирался на первоисточники. Он надеялся положить конец фальсификациям и искажениям исторической правды, спекуляциям и басням. Г. Скацель предсказал рост исследовательского внимания к «калейдоскопу боевых действий и событий» Гражданской войны на востоке России.

Подчеркивается благоприятное значение пребывания чехословацкой армии в Сибири для позиций Чехословакии на мирных конференциях 1918–1919 гг. Подробно рассматривается ухудшение отношений чехословаков с правительством Колчака, с российскими войсками. Сознательный нейтралитет чехословацкого войска побуждал избегать политических авантюр в России или поддержки только одной партии. Несмотря на просьбы колчаковского правительства, чехословаки в 1919 г. не могли принять участие в боях против Красной армии, потому что должны были выполнять директивы правительства молодой Чехословацкой республики, образованной 28 ноября 1918 г. Особое внимание уделяется вопросам железнодорожных перевозок. В качестве приложения приведен отрывок, посвященный Иркутску.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Сибирь, чехословацкая армия, воспоминания, полемика, подполковник Скацель Генрих, генералы Сыровы Ян, Жанен Морис, Штефаник Милан, Верховный правитель А.В. Колчак, боевые действия.

Формат цитирования: Скацель Г. «Братья сбились с пути»: воспоминания Генриха Скацеля // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 1. С. 155–165. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-1-155-165

“BROTHERS WANDER OUT OF WAY”: MEMORIES OF THE JINDŘICH SKÁČEL

© J. Skácel

An independent researcher,
Zachova Str., 4, Brno, 602 00, Czech Republic

Abstract. The article analyzes the content of the memoirs of Lieutenant Colonel Jindřich Skácel (1896–1976). His assessments reflect the perception of the events of the Civil War in Russia by the highest Czechoslovak command. The study of this interpretation allows us to reconstruct the moods and motives of Czechoslovaks, to illuminate unknown or little-known historical episodes for Russians. This reflection of the causes and consequences of international events given in the publications of the initial stage is very interesting.

Being a personal senior adjutant of General Syrový, Skácel was deeply aware of the mechanism of decision-making, and his memoirs relied heavily on the primary sources. He hoped to correct the falsifications and distortions of historical truth, speculation and fables. Jindřich Skácel predicted the growth of research attention to the “kaleidoscope of military operations and events” of the Civil War in the east of Russia.

The favorable significance of the presence of the Czechoslovak army in Siberia for the positions of Czechoslovakia at peace conferences of 1918–1919 is underlined. The deterioration of Czechoslovak relations with the Kolchak government and with Russian troops is considered in detail. The conscious neutrality of the Czechoslovak army intended to avoid political adventures in Russia or support only one party. Despite the requests of the Kolchak government, the Czechoslovaks in 1919 could not take part in the battles against the Red Army, because they had to follow the directives of the government of young

Czechoslovak Republic, formed on November, 28, 1918. Particular attention is paid to rail transport. As an appendix, an excerpt dedicated to Irkutsk is given.

Keywords: Civil war in Russia, Siberia, Czechoslovak army, memories, polemics, lieutenant colonel Jindřich Skácel, generals Syrový Jan, Janen Maurice, Stefanik Milan, Supreme Governor A.V. Kolchak, fighting

For citation: Skácel J. "Brothers Wander out of Way": Memories of the Jindřich Skácel. *Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 1. Pp. 155–165. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2018-1-155-165

В 1923 г. в Праге мой дед – подполковник Генрих Скацель выпустил книгу «С генералом Сыровы в Сибири», а в 1926 г. там же опубликовал работу «Чехословацкая армия в России и Колчак (противобольшевистские бои в России в 1918–19120 гг.)». Издания содержат подробный свод впечатлений и воспоминаний о пребывании на востоке России в рядах Чехословацкого корпуса в 1918–1920 гг. Оценки автора в полной мере отражают трактовку событий Гражданской войны в России высшим чехословацким командованием, что подтверждается предисловием генерала Я. Сыровы.

Отметим, что ранее в Чехословакии уже публиковались свидетельства о событиях в Сибири: в 1920 г. в Праге опубликованы воспоминания Р. Гайды, Ф. Лангера, А. Земана, Ф. Штейдлера, В. Червинки; в 1922 г. – Ф. Крейчи, Ф. Вондрачека; в 1923 г. – М. Жанена, Й. Куделы и т.д. (Ваха Д., 2016. С. 117–118).

Сыровы охарактеризовал Скацеля, как непосредственного участника «нашей великой кампании», как своего адъютанта и руководителя канцелярии, обладавшего исключительной осведомленностью о «болевых точках» и подробностях чехословацкого высшего командования. Генерал также отметил негативное влияние на сложившийся информационный поток крайне левых и крайне правых партийных оценок и слабое знакомство большинства публицистов с документами. По его оценке, работа Г. Скацеля, напротив, выделялась сочетанием глубокой информированности с прочной опорой на первоисточники, что делало ее исключительно полезной для общественности. Генерал рассчитывал, что издание донесет до читателя «общую линию поведения чехословацкого войска в Сибири, обусловленную истинно благородными намерениями, соответствующими духу чехословацкого народа и его демократии» (Syrový J., 1926).

Несколько слов о жизненном пути Г. Скацеля (1896–1976): Был банковским клерком, затем 15 мая 1915 г. призван в австро-венгерскую армию, служил в г. Оломоуц, после в Пршерове, а с 6 января 1916 г. как унтер-офицер воевал против России. 13 июня 1916 г. добровольно и спланированно, чтобы не «сражаться со своими славянскими братьями», сдался в плен русским войскам. Сохранялся в лагере для военнопленных в Задонске, а весной 1917 г. вступил добровольцем в чехословацкое подразделение русской армии и своей новой присягой навсегда расстался с Австро-Венгерской монархией (стал изменником Австрии и далее действовал под угрозой смертной казни со стороны немцев, австрийцев и их союзников). Во второй половине 1918 г. в Екатеринбурге служил адъютантом подполковника Р. Медека – руководителя военной части Чехословацкого национального совета (рис. 1.). В 1920–1938 г. служил в частях чехословацкой армии, как командир горных подразделений на границе с Германией, в 1938 г. выступал за сопротивление Гитлеру. В 1937 г. был представлен к чину бригадного генерала, 28 октября 1938 г. должно было состояться производство, но помешал «Мюнхенский договор». Летом 1939 г. попал в автокатастрофу, пережил клиническую смерть. Позднее на Г. Скацеля был написан донос в гестапо, но работник почты передал его не по адресу, а Г. Скацелю. После Второй мировой войны Г. Скацель не был возвращен в чехословацкую армию, как бывший «слуга буржуазного режима, который сражался против Красной армии 1917–1920 гг.».

Перевод и изучение изложенной Г. Скацелем трактовки позволяет историку реконструировать настроения и мотивы чехословаков, подробно осветить неизвестные или малоизвестные жителям России исторические эпизоды, которые сами по себе весьма и весьма поучительны. Примечателен и отраженный в изданиях начальный этап между-

Рис. 1. Г. Скацель (в центре) и Р. Медек (справа)
Fig. 1. J. Skácel (center) and R. Medek (right)

народной полемики вокруг причин и следствий драматических событий Гражданской войны в России.

Во введении книги, вышедшей в свет в 1926 г., Г. Скацель так обозначил свою основную цель: «Описание деятельности чехословацкой армии при Колчаке, описание отношения чехословацкого командования к Колчаку, описание всех событий с учетом сохраняющейся неясности и спорности многих сюжетов и необходимости возразить иностранной литературе, освещающей тему неправильно».

Автор констатировал «большую неинформированность» чехословаков и иностранцев даже в основных вопросах деятельности чехословацкой армии в России. Своими работами он надеялся положить конец различным фальсификациям и искажениям исторической правды, спекуляциям и басням, отмечая, что противобольшевистская борьба периода Колчака интересовала и интересует весь мир. Понять этот интерес можно, лишь представив «сколько надежд возлагалось на эту

борьбу, кто и какой внес в нее вклад, сколько надежд было похоронено поражением». Г. Скацель пророчески предсказал рост исследовательского внимания к «калейдоскопу боевых действий и событий» Гражданской войны на востоке России. По его мнению, авторы ряда публикаций тенденциозно обвиняли чехословацкие войска и военнослужащих, пытаясь показать их с отрицательной стороны.

Очевидно, что в первую очередь Г. Скацель подразумевал изданные в 1921 г. в Пекине воспоминания Г.К. Гинса «Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства)». В главе 28 Уроки интервенции» критически рассматривались действия чехов. Например, Гинс писал: «Конечно, чехи не виновны в том, что враги большевизма положились на них и втянулись в гражданскую войну. Но, как бы ни было, выступление было совместное, а отступление – только одной стороны... Слабость Директории происходила от излишней поспешности ее избрания под давлением тех же чехов. Роковая затяжка гражданской войны произошла из-за оставления чехами фронта в период, когда силы красных легко могли быть сломлены. Развал тыла в немалой степени обязан пассивности интервентов в отношении к внутренним большевикам...» (Гинс Г., 1921. С. 587–588). Аналогичные тезисы представил и генерал К.В. Сахаров в мемуарах «Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.)», изданных в Мюнхене в 1923 г. Впоследствии он их развил еще в ряде публикаций. Сахаров, проживая в Германии, опирался на такие «достоверные» источники, как например журнал «Tokyo Chronicle» 1921 г.

Г. Скацель пояснил, что пока не была завершена разборка документов, не было возможности подготовить аргументированное опровержение. Первым его опытом продвижения чехословацкой версии и стала книга «С генералом Сыровы в Сибири» (1923 г.) (рис. 2).

Важные исторические детали содержат все ее восемь разделов с образными названиями – «За кулисами в Чите: события и люди», «Тридцать серебрянников», «Цицикарская идиллия» и т.д. Первый раздел «Сукачевская роща» помещен в качест-

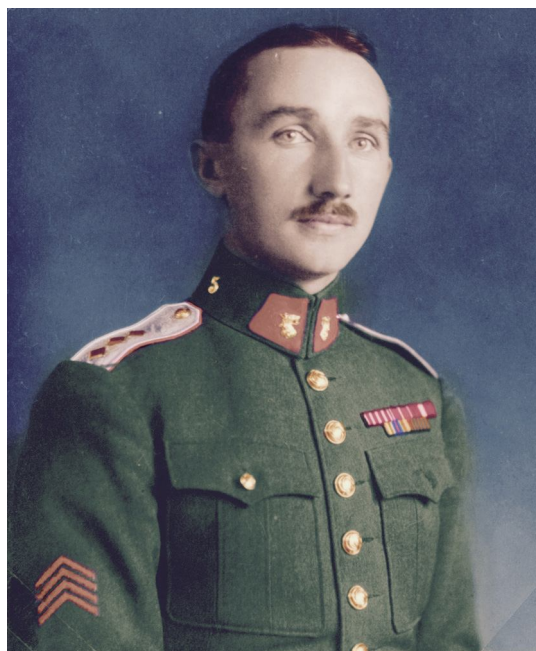

Рис. 2. Генрих Скацель в 1920-е годы
Fig. 2. Jindřich Skácel in the 1920s

ве приложения для яркой иллюстрации общего настроения Г. Скацеля.

Принципиальное же восприятие чехословаками российских событий конца 1919 г. раскрывает второй раздел, озаглавленный моим предком как «Последняя поездка с генералом Сыровы на запад». Его начало весьма образно, даже поэтично: «Над Сибирью ясное и чистое небо, жарко-жарко светит солнце, но над чехословаками в России сгущаются тучи, которые на западе грозят бурей». По оценке Г. Скацеля, для чехословацких войск было крайне опасно, что рядом в первые дни освобождения России так и не появилось братской русской армии, обладавшей бы таким же боевым духом и волей к победе, как чехословацкая. Русская интеллигенция забыла, что нужны новые силы, новые символы, новые песни, которые бы вдохновили и объединили весь народ для общей работы на лучшее будущее. Когда же русский народ один придет к своей цели и своему счастью, он вспомнит и «несколько десятков тысяч братьев из далекой страны», давших первый шанс на освобождение, и тех, кто этот шанс не использовал (подразумевая японцев и часть белогвардейцев). Дух, который хранили эти бойцы, освободил чехословацкий народ. Автор настаивал на том, что чехи с оружием в руках пока-

зали пример умеренной революционности – демократии. Однако «русские братья сбились с этого верного «среднего» революционного пути и вернулись под старые знамена, занялись реставрацией старых порядков, избрав лишь контрреволюцию». Это, по оценке Г. Скацеля, и было непоправимой ошибкой. Расхождение с мнением Г.К. Гинса очевидно, и можно лишь констатировать, что эти противоположные трактовки очень по-разному воспринимались в начале 1920-х годов, в 1938 г., в 1945 г., в 1968 г. и воспринимаются сейчас – в 2018 г.

В начале раздела «Последняя поездка...» Скацель вспоминает, с каким воодушевлением (как братьев и освободителей) население встречало чехословаков в 1918 г. в момент временной победы над «большевистскими русско-мадьярскими и немецкими отрядами». В 1919 г. все было уже по-другому: умеренные политические силы оценивали нас негативно за наше не выступление против Колчака, правительство было недовольно нашей прогрессивностью, демократизмом, а большевики считали нас союзниками реакционеров. Таким образом множились обвинения и справа, и слева.

В чем мы были виноваты? После того как чехословацкие войска оставили Поволжский и Уральский фронты, они по приказу нашего командования – генералов Штефанека и Жанена – были выведены в тыл и должны были обеспечить безопасность железных дорог. Нашей задачей было поддержание порядка, чтобы Транссибирская магистраль работала. Мы не могли допустить каких-либо действий, угрожавших нашей безопасности. Поддержание связи между нашими подразделениями, планируемая эвакуация требовали исключить возможность любых разрушений. А поскольку Транс-сиб играл ключевую роль в политической борьбе в Сибири, то чехословаки являлись частичным препятствием для всех стремившихся ускорить исход Гражданской войны в России. Поэтому одни радикалы (белые) стремились, чтобы мы присоединились к ним, а другие (красные) добивались скорейшего отъезда чехословаков. Поэтому вместо поддержки мы получали пренебрежение с двух сторон, хотя сами стремились корректно поддерживать нейтралитет.

Колчаковское правительство критиковало нашу пассивность и одновременно пыталось разными способами задействовать чехословацкие войска на фронте, а также ложными сообщениями о нашем участии поддержать лояльность у населения Сибири. Жестокий омский режим и репрессии против обывателей не приближали победу, а раздували конфликт широких демократически настроенных масс с Колчаком. Чехословацкие войска неизменно сочувствовали широкой антибольшевистской коалиции, стремившейся к обновлению политического режима в Сибири.

Отношение русских солдат к чехословакам осенью 1919 г. было либо враждебным, либо безразличным. Россияне были недовольны тем, что вследствие наших действий они были мобилизованы и по нашей вине должны отправиться на фронт. С развитием поражений на фронте и отступлением белых войск солдаты часто дезертировали, переходили на сторону большевиков или образовывали партизанские отряды. Вот в этих условиях, мы – чехословацкие воины – теряли надежды на возрождение России и убеждались в ошибочности колчаковского переворота, который и стал первым шагом к поражению. Мы считали, что будущее за демократией и нельзя связывать надежды на возрождения с несколькими лицами, которые рано или поздно должны будут уступить место выбранным лидерам.

Этот сознательный нейтралитет чехословацкого войска побуждал избегать российских политических авантур или поддержки только одной партии. «История бы не простила чехословацкое войско и его командование, если бы они поступили иначе». Огромное дело, начатое в 1918 г. как стихийная борьба против союзников наших угнетателей, могло легко обернуться разочарованием массы чехословацких военнослужащих под воздействием нескольких агитаторов или влиянием первой же неудачи. В то время, когда был сделан этот шаг в Сибири, массы русского народа были настроены против большевиков, и с нашими войсками во главе двигались на новый противогерманский фронт, и мы не могли их предать (рис. 3).

Могли ли мы принять участие в боях против Красной армии? Нет, потому что мы должны были

Рис. 3. Генрих Скацель в 1918 г.

Fig. 3. Jindřich Skácel in 1918

выполнять директивы и приказы генералов Штефанека и Жанена, находившихся на постоянной связи с Прагой и Парижем. Они предписали нам дислокацию в районе Омск – Иркутск и не изменили своего решения. После того как перемещение к концу мая 1919 г. завершилось, можно ли было изменить задачи войска? Целый ряд подразделений и частей ходатайствовал об эвакуации из России, хотя вопрос о перевозке еще не был решен ни в Праге, ни в Париже. После прибытия политической делегации из Чехословакии пришлось ждать почти год, прежде чем это произошло. Однако приказ об эвакуации можно было отдать раньше, например, генерал Сыровы запрашивал об этом в июле (1919) и просил прояснить ситуацию.

Нам было хорошо известно о положении в мире и о значении пребывания чехословацкой армии в Сибири для правительства Чехословакии на мирных конференциях 1918–1919 гг. Для решения спорных вопросов в пользу Чехословакии необходимо было внести вклад в общее дело союзников

по Антанте. Отрицательное отношение к режиму Колчака было делом второстепенным в сравнении с приоритетами поддержки правительства Чехословакии и союзников. Какой была бы судьба Чехословакии, если бы союзники не испытывали признательность за действия наших военных? Американцы, французы и другие вздохнули с облегчением, когда безответственные силы были удалены, а чехословацкая армия осталась боеспособной и единой. Исход был бы другим, если бы легкомыслие тогда победило. К счастью, войско само решило иначе. И наша совесть чиста, и мы союзников не предали.

Скацель затрагивает и эпизоды боевых действий чехословаков против красных партизан во время дислокации от Омска до Иркутска. Убывая после 8 месяцев боев в тыл, чехословацкая армия надеялась на отдых, но была частично разочарована. Например, в ночь на 8 мая 1919 г. 1200 партизан напали на станцию Тайшет. Хотя чехословаки и не были готовы к атаке, они «прямо в белье» отразили ее, уничтожив около 200 партизан, сами потеряв 6 человек (12 мая они торжественно похоронены в Иркутске). При этом потребовалась атака чешского бронепоезда на станционные здания, которые при этом полностью сгорели, 6 чехословаков были убиты (Skácel J., 1923. S. 20).

Восприятие неудач российских войск было следующим: чехословацкий солдат перестал надеяться, что начатая им работа, будет успешно завершена россиянами. С «болью в сердце» чехословацкие воины наблюдали неразбериху и общий хаос в то время, когда требовалось направить все силы на создание демократического государственного порядка. Недовольство все возрастающей спекуляцией, коррупцией и интригами в правительственных и военных кругах, несправедливо враждебное отношение большинства населения к нам также усиливало недовольство колчаковским правительством, которое, по трактовке Скацеля, наиболее виновно в сложившемся антагонистическом положении. Чехословацкое войско не верило заверениям в дружбе и любви к себе, не доверяло никому и ничему. Большинство наших (чехословацких) солдат отчетливо осознавало, что может рассчитывать лишь на собственные силы (рис. 4).

Компетенции русского командования чехословаки также совершенно не доверяли. Русские офицеры своим поведением, стремлением избежать строевой службы и тягой к роскоши подрывали боеспособность и моральный дух своей армии. Разумеется, сказанное нельзя относить ко всем офицерам, но к большей их части. Когда колчаковская армия отступала, один из боевых генералов констатировал, что при этом в тылу, в Омске так много офицеров, что окажись они на фронте, как бойцы, можно было бы надеяться на перелом. При этом русские войска имели и отличных офицеров. Отношения чехословаков с армией Колчака можно определить так: безразличие с нашей (чешской) стороны, враждебность, неприязнь или безразличие с российской. Наш уход на восток, в центр Сибири, где к лету 1919 г. разместились наши военные, произвел тяжелое впечатление на российские власти. Кажется, они до последнего не верили в реальность передислокации, хотя были заблаговременно уведомлены. Уход с фронта вызвал недовольство. Участились провокации против чехословацкого войска.

Рис. 4. Чехословацкое командование в России
Fig. 4. Czechoslovak command in Russia

Чтобы разрядить возникшую напряженность, адмирал Колчак в речи, посвященной памяти генерала Алексеева, подчеркнул достижения Чехословацкого войска и его руководителей для России и славянства. На годовщину декларации независимости Чехословацкой республики Верховный правитель отправил телеграмму, в которой приветствовал доблестную Чехословацкую армию, создавшую основу для своего государства и кровью укрепившую братские узы, связывающие ее с Россией.

Интересна трактовка Скацелем дальнейших событий. В конце октября российские власти активизируют усилия по привлечению чехословацких войск к совместным действиям на фронте, но их командование, следуя полученным с родины директивам, устремляет части на восток, несмотря на то, что вопросы перевозки через океан еще не разрешены. Однако общая обстановка не позволяла чехословакам всерьез рассматривать просьбы какой-либо российской партии выступить на фронт, а решение об отправке на восток не могло быть изменено. К началу ноября ситуацию можно было определить следующим образом: государство развалилось, армия дезорганизована, правительство не пользуется доверием, боевые действия ведутся без общего плана, а главное при недостатке воли к сопротивлению. В тылу бастуют железнодорожники, три месяца не получавшие жалование. По правдоподобным слухам, руководители красных партизан в районе Красноярска – Щетинкин и Кравченко планировали нападение на эвакуируемое из Омска правительство Колчака (Skácel J., 1923).

Хотя обстановка в тылу с каждой минутой и становилось все более критической, Верховный правитель адмирал Колчак призывал к напряжению всех сил, чтобы отстоять Омск. Фронт находился уже на р. Ишим. Главнокомандующий генерал Дитерихс считал нецелесообразным оборонять Омск и планировал отход за р. Иртыш. Он подает в отставку из-за разногласий с Колчаком, считающим сдачу Омска своим окончательным поражением. Ходили слухи, что Колчак сам намеривался возглавить армию. В итоге командование принял генерал Сахаров, а колчаковское правительство, за исключением военных отделов, эвакуировалось из Ом-

ска. Колчак уехал тайно. Чехословацкие войска оказались в эпицентре планов всех сторон. Правые и левые проявляли повышенную заинтересованность в наших симпатиях и стремились привлечь каждый на свою сторону. Все чаще говорили о политическом перевороте. Усилился террор со стороны белых военных.

В Иркутске 12 ноября контрразведка провела ряд обысков и арестов ряда местных политиков. Поскольку такие действия могли ускорить восстание населения, что осложнило бы положение чехословацких войск, представитель Чехословакии в Иркутске доктор Благож направил протест начальнику штаба Иркутского военного округа генералу Вагину. Благож предупредил, что в случае восстания чехословацкие войска не будут оказывать помощь российским, поскольку их задача поддерживать закон и порядок, а не политический произвол. Протест Благожа был передан в правительство и 13 ноября 15 арестованных были выпущены на свободу. В тот же день в Сукачевской роще был составлен известный чехословацкий меморандум, переданный союзникам и подписанный Б. Павлу и доктором Гирсой, который вызвал в Сибири большой шум. Российское правительство расценило его как подрыв своего престижа, заявив союзникам, что меморандум ухудшил ситуацию как на фронте, так и в тылу, способствуя победе большевиков.

К 15 ноября пал Омск, а Колчак был уже в Барабинске. Оставление столицы вызвало растерянность во всем государственном аппарате. Большевистские газеты восторженно сообщали о победе. Писали, что якобы от Петропавловска до Омска взято в плен 45000 человек, что в самом Омске захвачено 10 генералов, 200 офицеров, 2 бронепоезда и огромные трофеи. Из этих сообщений следовало, что погибла вся колчаковская армия. Прибыв в Иркутск, колчаковское правительство выпустило обращение, в котором подчеркнуло, что его деятельность невозможна без сотрудничества с прогрессивной общественностью. Призыв был заведомо обречен на провал. Этот письменный отход правительства от прежнего курса, враждебного общественности, признание собственных ошибок был расценен как слабость и отчаянная попытка. Поэтому он не вызывал доверия ни у чехословац-

кого войска, ни у его командования. Демократические круги уже не желали довольствоваться увольнением отдельных министров, а требовали отставки всего правительства.

К концу ноября российские войска находились в полном разложении, несмотря на то что была проведена частичная смена командования. Конец правительства Колчака приближался. Ситуация стала критической, а затруднения российских властей напрямую отражались на чехословацких войсках, которые в противном случае могло бы беспрепятственно эвакуироваться. Согласно сообщениям, от Новониколаевска до Чулымской застыла без движения длинная лента эшелонов, в основном со штабами полков и дивизий. Многие паровозы разморожены и заметены снегом. Отступающие на восток колчаковские части утратили дисциплину. Призрак разложения русской армии в 1917 г. возник вновь. От истребления у Омска спаслась часть армии во главе с Каппелем. Две казачьи дивизии разошлись еще перед Омском. Отходили в основном до своих станиц, но часть направлялась к границам Монголии, откуда рассчитывала достичь атамана Семенова. Жуткие сцены брошенных больных и раненых, голод. Сильные морозы увеличивают смертность. В Новониколаевск в 14 вагонах прибыли раненые, из которых половина замерзла в дороге.

Чехословацкие войска находились на территориях, контролируемых силами Колчака, большевиков, позднее Политцентра, атамана Семенова и правительством Дальнего Востока. В Маньчжурии необходимо было учитывать позицию китайцев. В штаб чехословацкой армии в Иркутске докатывалось эхо событий. В Чите Семенов перестал пропускать чешские телеграммы, а сообщение на 3000 км часто прерывалось. Атаман к концу ноября пополнял свои части туземцами, в основном монголами. Из колчаковских санитарных поездов им были набраны легко раненые и больные. Казалось, он стремится разделить чехословацкие войска. Далее Скацель приводит примеры жестоких действий Семенова и обобщает, что колчаковское правительство своими действиями уподобилась большевикам, которые в невероятных количествах под руководством комиссаров расстреливали своих

политических противников. И хотя колчаковский террор по масштабам был гораздо меньше большевистского, он значительно повредил белым властям. Таким образом район расположения чехословацких войска был под угрозой анархии и все новых и новых переворотов.

Стремление к нейтралитету лишало нас интереса к формированию новых отношений. С конца ноября создавалась прямая угроза арьергардным эшелонам 2-й чехословацкой дивизии (начальник полковник Крейчи (Krejčí)). Им угрожали авангарды Красной армии, раннее уже рассеявшие колчаковские войска и пленившие польскую дивизию. Транссиб столкнулся с нехваткой угля, а чинимые японцами препятствия затрудняли движения на восток. Участились и стычки между русскими штабными эшелонами и чехословацкими солдатами. Чехословаки силой отбирали паровозы. Последовали протесты. Среди прочих протестовал русский главнокомандующий генерал Сахаров, и генерал Сыровы счел необходимым возразить. Генерал Жанен также ответил Сахарову, что он сам своими действиями создал беспорядок. Если бы российские войска были своевременно направлены на защиту железной дороги, то таких трудностей бы не было. Задержки движения связаны с нехваткой паровозов и угля. Генерал Сыровы решил отправиться из Иркутска на запад для оценки обстановки на месте. Это было важно, поскольку личный состав 2-й чехословацкой дивизии был очень недоволен, и его необходимо было воодушевить...

Скацель особо подчеркивал, что все описанные им решения командования чехословацкой армии были «далеки от того, чтобы предать армию Колчака» (Skácel J., 1926. S. 5). Оно стремилось идти средним путем, и не могло угодить всем, несмотря на то, что на чехословаков возлагали огромные надежды и стремились задействовать. Армия «прошла в России один путь: путь жертв, мучений и тревог». Ее роль в Сибири была очень значительной, в определенные периоды – решающей.

Приложение
СУКАЧЁВСКАЯ РОЩА В ИРКУТСКЕ
(в сокращении)

Вы видите сады Семирамиды или Гефсиманский сад? Вы ошибаетесь. На этот раз это сад на севере, в России – на второй родине чехословацких легионеров и борцов за свободу. Это не помпезный сад древних аристократов. Сукачëвская роща является большим садом, тянувшимся несколько сот шагов в глубину и ширину. Окружающий её высокий забор создает ощущение таинственного мира. Сад расположен в Иркутске на самом высоком месте, с которого видно весь город, и создает косоугольник (параллелограмм) на углу улицы Ланинской и Иерусалимской. Таким образом, сад лежит почти за городом, поблизости от казарм занятых чехословацким 1-м стрелковым имени Яна Гуса полком. Владелец сада Сукачев, русский богач. Сад же был только частичкой его имущества, которым он владел по всей России (рис. 5).

Сад включал три усадьбы, если их можно так называть, потому что два дома были маленькие и очень ветхие, и в одном из них обитают бедные

люди, для которых даже крошка хлеба в саду ценится. Второй из двух ветхих домиков занимал главный чиновник Забайкальской железной дороги. В третьем, в могучей усадьбе, стоящей против главных ворот со стороны Ланинской улицы, живет генерал Эллерц-Усов, точнее говоря, его жена с ее матерью, потому что генерал служит на фронте против большевиков командиром корпуса.

Весной 1919 г. наши войска начали отправлять с фронта в тыл, чтобы немножко отдохнуть. Иркутск был назначен резиденцией штаба армии. Так случилось, что наше желание поменять задымленный челябинский вокзал и запыленные вагоны было вполне уважено, благодаря знакомству нашего политического доверенного доктора Благожа (Blahož) с семьей генерала Эллерц-Усова. Нам позволили стать субарендаторами главной усадьбы (дачи) Сукачевского сада. И в последние дни мая генерал Сыровы (Syrový), я и младший адъютант Моравек (Moravek) водворились на второй этаж дачи, в комнаты с видом на сад.

Через неделю на первом этаже поселилась жена генерала Никитина, воюющего на фронте

Рис. 5. Сукачевская роща
Fig. 5. The Sukachev's Grove

против большевиков в должности начальника дивизии. В итоге дача получила название «дача трех генералов», хотя фактически там жил только один генерал – Сыровы...

На первом этаже располагалась самая большая в Сибири картинная галерея, которая сразу привлекла наше внимание. Мы с генералом Сыровы часто приходили, чтобы на минуточку отвлечься от постоянного душевного напряжения, вызванного главной задачей, – организацией эвакуации чехословацкой армии из России.

В галерее были картины почти всех известных русских живописцев. Картины влияли своей душевностью на наши измученные души и успокаивали нас. Мы входили внутрь, чтобы поймать из творения гениальных художников, улыбки света и жизни, чтобы найти в них ответы на наши ощущения и тревоги.

Я помню, как нам с самого начала больше всего понравилась картина Репина «Девочка с растрёпанными волосами» («Нищая»)...

День за днем утекали словно вода, а эшелоны чехословацкой армии тянулись через Иркутский вокзал за «Звездочку» подобно улитке, поэтому пока нечего было и думать об отъезде из Сукачевской рощи и Иркутска. Все равно днем и иногда вечером я в усадьбе не бывал. Только утром перед отъездом в штаб в роще утапывали дорожку в свежеснежавшем снегу...

Бои подходили к концу. С обеих сторон погибло более 200 человек. Пострадала и Сукачевская

роща. Окна нашей дачи были прострелены со всех сторон, разбито 16 стекол. В одной комнате картинной галереи, где картины не были повешены на стенах, а стояли, все окна были прострелены. Даже наша любимая картина «Нищая» не избежала ущерба, в нее попала пуля.

Наше пребывание в усадьбе подходило к концу. Две чехословацкие дивизии уже переместились на восток от Иркутска, и поэтому следовало перенести штаб армии туда, где требовалось его командование. Было решено, что штаб передислоцируется на восток от озера Байкал, в Верхнеудинск.

3 февраля 1920 г. наступил день нашего отъезда из рощи на вокзал, где ждал нас поезд штаба армии. Собранные вещи погружены в автомобиль и в роще прозвучали последние звуки двигателя.

Мы прощались с нашими хозяйками в слезах. Я сходил попрощаться с их семьей, до домика под беседкой. Так как наш эшелон уходил завтра в десять часов утра, я должен был обещать, что я еще вернусь. Не обращая внимание на темноту отдаленных улиц и переулков, я вернулся. Затем утром я простился с милой русской семьей, выражающей такие разные политические идеи, семьей, в лице которой я любил весь русский народ. В последний раз я видел милую, яркую рощу. Я обещал, что не позднее чем через год я опять на нее погляжу. С того времени прошли уже три года...

Источник: *Skácel J. S generálem Syrovým v Sibiři. Praha, 1923. С. 11–54.*

Статья поступила 01.12.2017 г.

Article was received in December, 01, 2017

Библиографический список

Далибор Ваха. Досуг чехословацких легионеров в России и на пути домой в 1919–1920 гг. / пер. С. Магида // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2016. № 3 (20). С. 88–118. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-88-118

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Пекин, 1921. 606 с.

Сахаров К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война

References

Dalibor Vacha. *Dosug chekhoslovatskikh legionerov v Rossii i na puti domoi v 1919–1920 gg.* [Czechoslovak Legionnaires and their Free Time in Russia and on the Way Home (1919–1920)] / translated by S. Magid. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2016, to. 3. (20), p. 88–118. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-88-118

Gins G.K. *Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povorotnyi moment russkoi istorii. 1918–1920 gg.* (*Vpechatleniya i mysli chlena Omskogo pravitel'stva*) [Siberia, the Allies and Kolchak. A turning point in Russian history. 1918–1920 (Impressions and thoughts of a member of the Omsk government)]. Pekin, 1921. 606 p.

Sakharov K.V. *Belaya Sibir' (Vnutrennyaya voina*

1918–1920). Мюнхен, 1923. 325 с.

Vácha Dalibor. Po boku generála. Legionář Jindřich Skácel (1896–1976) // I. světová válka, 2016, № 4. С. 32–34.

Skácel Jindřich. S generálem Syrovým v Sibiři. Praha, 1923. 250 с.

Skácel Jindřich, Československá armáda v Rusku a Kolčak (protibolševický boj v roce 1918-20), Praha, 1926. С. 3–6.

Syrový Jan, general. Předmluva // Skácel Jindřich, Československá armáda v Rusku a Kolčak, Praha, 1926. С. 2.

Сведения об авторе

Скацель Генрих,
независимый исследователь,
ул. Zachova 4, 602 00 Brno (г. Брно), Чешская республика,
e-mail: skacel@email.cz

Критерии авторства

Г. Скацель исследовал нарративные источники, оценил их содержание и достоверность и написал рукопись, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

1918–1920) [White Siberia (Internal War 1918-1920)] Myunkhen, 1923. 325 p.

Vácha Dalibor. Po boku generála. Legionář Jindřich Skácel (1896–1976) // I. světová válka, 2016, № 4. С. 32–34. (In Chech).

Skácel Jindřich. S generálem Syrovým v Sibiři. Praha, 1923. 250 с. (In Chech).

Skácel Jindřich, Československá armáda v Rusku a Kolčak (protibolševický boj v roce 1918-20), Praha, 1926. С. 3–6. (In Chech).

Syrový Jan, general. Předmluva// Skácel Jindřich, Československá armáda v Rusku a Kolčak, Praha, 1926. С. 2. (In Chech).

Information about the author

Jindřich Skácel,
an independent researcher,
Zachova Str., 4, Brno, 602 00, Czech Republic,
e-mail: skacel@email.cz

Attribution criteria

Skácel J. examined narrative sources, assessed their content and reliability, and wrote a manuscript, has copyrights for the article and is fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.